

характер: они воспринимают мир как пищу для чувств – матрицу возможного опыта, и ориентирами в нем для них служат пережитые впечатления. Туристов затрагивают – привлекают или отталкивают – обещанные в рекламе туристского продукта ощущения⁸. Таким образом, потребности в туристском опыте в пространстве современной «позднесовременной» или «постсовременной эпохи» реализуются в форме поиска новых ощущений и коллекционирования впечатлений.

Ценностные императивы потребительского, глобального общества способствовали формированию глобальных потребительских поведенческих моделей. Туристское потребление влечет создание туристских достопримечательностей, комплекса образов мест с наделением их значением туристской дестинации, тем самым туристская достопримечательность становится структурной единицей туризма. В контексте современных тенденций к туризму как области духовной и материальной культуры начинают относиться как к экономическому ресурсу, действующему агенту развития, источнику нового мышления, способу освоения пространства и стратегии восприятия мира. Специалисты по туризму изучают и «картируют» культурные ресурсы, разрабатывают технологии и конкретные предложения о том, как культурное наследие, актуальная культура могут сформировать специфику места, изменить имидж территории таким образом, чтобы он воспринимался туристами как туристский продукт и имел высокую потребительскую стоимость. Глобальный

размах современных туристских практик привел к производству и структурированию пространства, изменению его текстуры, что в совокупности с потребительской стратегией туризма оказывает воздействие на культурное пространство, подчиняя его бытие собственным целям и задачам. Тем самым глобальная экспансия туризма ведет к поляризации туристских культурных объектов и аутентичного культурного ландшафта.

Примечания

- 1 *Воронцов Б.Н.* Феномен массовой культуры: этико-философский анализ // *Философские науки*. 2002. № 3. С.110–123; С. 113.
- 2 *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Избранные труды*. М., 1997. С. 73.
- 3 См.: *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование развитого индустриального общества. М., 1994. С. 12.
- 4 Цит. по: *Давыдова А.* Легенды и мифы среднего класса // *Искусство кино*. 1996. № 2. С. 87–93; С. 90.
- 5 См.: *Веселов Ю.В.* Экономическая социология постмодерна // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. I. Вып. 1. С. 41.
- 6 *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002. С.120.
- 7 *Венкова А.В.* Современный номадизм: метафора и стиль жизни // *Культурное пространство путешествий: Тез. форума*. СПб., 2003. С. 336.
- 8 *Бауман З.* Указ. соч. С. 130.

УДК 101. 1:316

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЭЛИТА

П.И. Диденко

Волгоградский государственный университет,
кафедра истории философии и религиоведения
E-mail: dipavlo@mail.ru

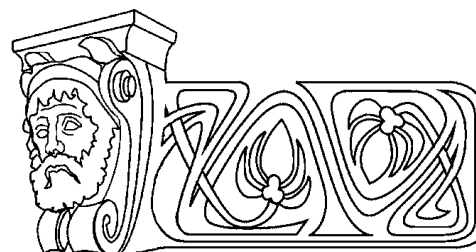
Понятия интеллигенции и элиты отражают разные исторические этапы эволюции образованного класса. Интеллигенция есть продукт эпохи демократического подъема. Она решает задачу преодоления разрыва между передовым просвещением и реальной жизнью народа. Элита является субъектом авангардистской культуры в постреволюционном обществе.

Ключевые слова: элита, интеллигенция, авангард, прогресс, культура, массы, народ.

Democratic Intelligentsia and Elite

P.I. Didenko

The concepts of intelligentsia and elite reflect different historical periods of evolution of the educated class. Intelligentsia is the product

of the epoch of democratic rise. It solves the problem of overcoming rupture between advanced enlightenment and real people life. Elite is the subject of the avant-garde culture in the post revolutionary society.

Key words: elite, the intellectuals, vanguard, progress, culture, mass, nation.

В настоящее время под элитой понимают руководящее ядро общества. Согласно Б.Ю. Кагарлицкому, «принадлежность к политической элите определяется доступом к рычагам власти, к принятию решений, информированностью... Элита не фиксируется формально. Она формирует себя»¹. Отечественная элита стала сегодня предметом массивной критики со стороны

публицистики и общественной науки. Возникает даже впечатление срежиссированной идеологической кампании, вроде развернутого наступления против партократии двадцатилетней давности. Современной «номенклатуре» приписываются эгоизм, высокомерие, корыстолюбие, безответственность, пренебрежение национальными интересами, коррупция, бездуховность и пр. Нельзя сказать, что эти обвинения лишены основания. Но возникает впечатление, что на пути прогресса (реализации «национальных программ» и общей стратегии «развития») единственным серьезным препятствием выступает у нас элита – главная на сегодняшний день реакционная сила.

Преобладающая мораль большинства критических разоблачительных выступлений заключается в том, что в состав элиты должны входить лучшие (по смыслу самого слова), а у нас попали туда весьма сомнительные субъекты, явно не соответствующие гордому званию. Но это неглубокая мораль. На самом деле социальная группа, имеющая полномочия принимать важнейшие решения в политике и других сферах общественной деятельности, называется элитой не потому, что она есть собрание лучших, талантливых и благородных, а потому, что она есть реальный общественный авангард – действительно находящийся, можно сказать, на переднем крае прогресса и перед лицом серьезнейших проблем. Слой элиты исторически возникает в контексте «прогресса сверху». Отсюда – определенные черты ограниченности этой страты, если угодно, ее врожденные недостатки. Идеальной, во всех отношениях хорошей элиты нет и быть не может. Дело тут не только и не столько в личных качествах ее представителей. Речь идет о «системных» характеристиках.

Элита как явление возникает после счастливой эпохи прогрессивного развития общества в истинно демократической форме, как следствие остановки этого развития, достигнутого положенного ему судьбой предела. Заканчивается подъем народных масс, эпоха, озаменованная их непосредственным историческим творчеством, но прогресс уже остановить нельзя (что также является завоеванием этой эпохи), и он продолжается в других формах, в том числе и в виде творческой и организаторской деятельности авангарда – увы, оторвавшегося от большинства нации. Происходит отделение духовного труда от физического, элиты от массы. Поэтому в определенном смысле деятельность элиты есть узурпация дела народной демократии. Здесь корень всех возможных и реальных пороков элиты. Вместе с тем деятельность авангарда есть и продолжение народного (революционного по историческим меркам) дела, пусть и в отчужденной форме. Уже Кант по-своему показал, что сообщество мастеров и профессионалов, включая политиков и деловых людей, никогда полностью не пренебрегает ценностями «развития в целом», т.е. развития производительных сил, выходящего за рамки, установленные отдельными

ми эгоистическими интересами и даже всей их суммой. Поскольку существует элита, постольку прогресс всегда будет, помимо всего прочего, и прогрессом формы, совершенства, качества. Поэтому ответ лучшего, идеального действительно лежит на общественном авангарде (при всех его немалых недостатках), отсюда и имя «элита».

Эпохи подъема европейских демократий вообще не знают явления элиты. Образованный авангард революционного демократического движения, конечно, существует, но его нельзя назвать элитой. Это время исторического творчества народных масс, которые принимают самое активное участие в большой политике, в утверждении новых экономических отношений, в культурном строительстве. Народные силы поднимаются до самоопределения, самостоятельности, возникает непосредственное единство их воли с грандиозным ходом событий. Люди сами живут, а не «их живут» – так, с оттенком ностальгии, оценит это общественное состояние социология более поздних времен. И действительно, классическая пора демократии оставляет нашим современникам повод для зависти. Именно тогда в широких масштабах появляется феномен цельного, стремящегося к всестороннему развитию человека, способного непосредственно и добровольно, без обычных посредников в виде господ, жрецов и бюрократов и всякого рода структур социального отчуждения установить нормальные человеческие отношения с ближними.

Массы демонстрируют удивительное единство воли, исторический подъем демократии ярче всего проявляется в нравственном сплочении людей, подлинном товариществе, братстве миллионов. И вполне понятно, что в подобной социокультурной ситуации различие «лучших» и «обыкновенных», элиты и массы не стоит на повестке дня, не может выступать значительной общественной величиной, играть роль влиятельного фактора прогресса. Эту роль исключает не «уровнительность», якобы свойственная революционной демократии, а как раз форма целостности, родившаяся в подъеме массовой воли к человеческому достоинству. Критерии различения элитарного и заурядного не работают, да и просто не относятся к делу при характеристике цельной («соборной», как сказали бы русские славянофилы) личности.

Что же касается образованного авангарда демократического движения, то его отличие от элиты обнаруживается прежде всего в характере происхождения. Элиты возникают на почве отделения умственного труда от физического, высокой культуры от массовой – они, эти особенные социальные группы, знаменуют собой некое завершение, предел раскола людей в обществе по признаку владения знаниями, профессиональными навыками и средствами личного развития. Сознательный авангард демократии, наоборот, есть форма, возникшая в

поле взаимного притяжения высокой культуры и народа, преодоления разрыва между ними. Эта форма означает принципиальное отрицание духовной монополии. Она тоже, как и революционные массы, реализует идею демократического подъема нации, но не «снизу», а «сверху», со стороны развитого духовного производства, сферы свободных профессий. В этой сфере всегда существуют люди, тяготящиеся своим положением «мандаринов культуры», и демократическая революция дает им шанс освободиться от сомнительного статуса привилегированных.

Образование в составе демократического движения передовой части, способной выразить его цели и задачи всеобщим образом, посредством форм и категорий мировой культуры, есть явление естественное, отвечающее логике развития событий в народной революции. Ведь освобождение скованной энергии людей неизбежно порождает в них тягу к образованию, к духовному освоению действительности. Этот эффект, вечное следствие гражданской свободы и реальной самостоятельности лиц, известен со времен античности, в частности, отражен в учении Платона о творческом Эросе. Но если демократическая масса (можно сказать, сама социальная материя) тянется к образованию, к свету истины и красоты, то и высокая культура в лице мыслителей, художников, творцов и трансляторов духовных ценностей не может остаться равнодушной к этому могучему «почвенному» стремлению и движется ему навстречу. Речь, конечно, идет о тех представителях духовного творчества, которые на самом деле выражают его истинную природу и коренную интенцию – в отличие от тех, кто являются «мастерами культуры» лишь в формально-техническом отношении. Последних тоже немало, и ожидать от них горячего сочувствия к идее союза культуры и народного подъема нельзя. Но время демократических революций – не их звездный час. Тон задают другие, именно те, кто обладают правом первородства в царстве духа. Их, кстати сказать, можно назвать и классическими интеллигентами.

В чем состоит характерное проявление интеллигентности творческих личностей? В том, что они отзывчивы к самобытным движениям разума и воли демократических масс, способны увидеть в духовно-практических формах народной жизни прообраз полноты истины – той полноты, которой не достает даже формально-совершенным произведениям профессиональных теоретиков и художников. Жизнь шире наук и искусства. По этому поводу В.Г. Арсланов пишет: «Как абсолютное совершенство может быть неполноценным? Оно неполноценно в том смысле, в каком любая, даже так называемая абсолютная истина, не полна – и полнота истины требует учета противоположной ей стороны.

Нет в мире совершенно правых, и наиболее правы те, кто это понимает»². Даже максимальное совершенство культуры и цивилизации требует дополнения к себе. Но это требуемое дополнение нельзя целенаправленно создать, изобрести: его приносит только объективное развитие самой действительности, исторической жизни масс. «Технические специалисты» от культуры (ими могут быть и гуманитарии) этого понять неспособны. Грань между интеллигентностью и просто образованностью пролегает именно здесь. Интеллигенты – «народники» по определению. Они покоряются нравственному влиянию товарищеской солидарности больших масс людей – для того, чтобы обрести высшую творческую свободу и уже в качестве носителей и выразителей этой свободы стать передовой силой демократии.

Великий урок отзывчивости духа высокой культуры на нравственную правду народа, пример самоотверженного отказа от всех «охраняемых грамот» цивилизованного логоса ради союза с христианской справедливостью явили в свое время те одаренные и образованные молодые люди, которым суждено было войти в историю под именем отцов церкви. Интеллигентов в истории общественной мысли нередко сравнивали с христианскими подвижниками (порою с иронией), но если в таком сравнении содержится рациональное зерно, то оно, очевидно, относится к данному примеру. Возможно, что парадигма интеллигентности в европейской культуре действительно задана Василием Великим и Августином Аврелием. Тем более что понятие *Intelligentia* существует в теологии и христианской философии. Оно означает Ум Божеский, высший надмирный Разум, творящий в самом себе многообразие мира, различающий в многообразии самое ценное и приводящий это ценное к самому себе. Этот термин характеризует также и отношение человеческого разума к Уму Божественному – истинное, должное, «нормальное» отношение. Выдающийся исследователь этой темы Е. Рашковский пишет: «... Средневековый мыслитель со страхом и трепетом, путями молитвенных медитаций и логических ухищрений отыскивал в собственном сознании элементы сопричастования божественной *Intelligentia*»³. Как бы то ни было, надо признать, что по крайней мере в сфере духовного производства интеллигенты не являются «самозванцами» (что иногда пытаются доказать слишком ретивые критики), они – ученые, художники, юристы, педагоги, политики, инженеры «от Бога». Словом, демократическая интеллигенция существует всегда, и в эпоху исторического подъема народных масс она закономерно становится революционным авангардом. Быть революционным авангардом – значит «поднимать активные силы народа, объединять их, создавать сплочение, единомышленников, добровольную организацию»⁴.

Есть ясное различие элиты и демократической интеллигенции. Оселком здесь выступает отношение к полноте истины («плероме», в терминологии греков, или «Софии», как обозначали этот предмет русские христианские философы). Как говорилось, для классической интеллигенции полнота истины (она же полнота бытия) не заключена в границах даже самой совершенной мысли и духовной деятельности. Исходя из такого представления, классическая интеллигенция не принимает определения духовности как обращенности к высшим ценностям, противостоящей всему обыденному, заурядному, посредственному. Иначе говоря, совершенство, законченная идеальность не выступает для нее главным критерием истины. Противоречивая жизнь может быть глубже и богаче смыслом непротиворечивого идеала, «абсолюта».

Но духовная элита (аристократия) как раз и ставит критерий совершенства во главу угла. С этой точки зрения само стремление к совершенству не есть предмет субъективного выбора, оно составляет основу существования, жизненную силу всего в этом мире. Все, что обладает формой хотя бы в минимальной степени, уже находится на пути движения к совершенству. Но вопрос для каждого существа и заключается в том, какова эта степень. Не только в духовных, идейных, идеологических спорах, но и в столкновении материальных сил, в экономической конкуренции и политических конфликтах в конечном счете побеждает та сторона, которая в большей мере способна и готова подчинить хаос жизненного содержания началу формы. И хотя такая цель сопряжена с большими трудностями, она не представляется утопической, а полагается в принципе достижимой. Чем более реальность как таковая погружается в трясину безысходных противоречий, в хаос, абсурд (а именно так обстоит дело с современной действительностью, по заключению элиты, – в противоположность упованиям классической интеллигенции на скрытые резервы разумности объективного бытия), тем быстрее растет на другом полюсе творческая сила формы. Конечно, этим полюсом, «умным местом», содержащим в себе глубокий источник творческой энергии, выступают духовное производство и высокая культура.

Расширение области отрицательных явлений и фактов в общественной жизни только увеличивает шансы на торжество формального начала, призванного усмирить или подавить эти очаги хаоса. Побеждают только лучшие. Нехитрая философия элиты состоит в том, что любой вид соперничества, борьбы в подлунном мире сводится в конечном счете к состязанию в совершенствовании. Форма совершенствования объемлет все, всякое содержание. Другие идеи и конкретные цели, каковы бы они ни были, представляются более узкими по содержанию и объему. Кроме того, им не дано выдержать

масштабное отрицание, «тотальную» критику в свой адрес. По этой причине, кстати, из борьбы за первенство выбывают те, кто преследуют явно дурные цели – они не только не готовы к последовательному совершенствованию, но и, будучи сами отрицательной величиной, оказываются не в состоянии противостоять направленной на них же волне стихийного отрицания. Таким образом, зло и порок становятся жертвами «отрицания отрицания». Единственная инстанция в этом мире, которая способна самостоятельно все выдержать и переварить, переработать, превратить в полезный для себя материал и подручное средство, – это форма бесконечно совершенствующегося субъекта. Счастлив тот, в чьей упорной деятельности эта форма находит конкретную реализацию в данных обстоятельствах. С другой стороны, и успешный финиш не означает для победителя полной идиллии и блаженства, ведь, как сказано, сила формы растет только пропорционально трудности и остроте проблем. Выход из противоречий действительности находится в самих противоречиях, в расширении свободы отрицания. Естественно, что в столь драматичном мире единственным надежным пристанищем субъекта может являться только духовная деятельность. Истина в ней, нигде больше.

Чье же понимание истины и нормы духовной деятельности более справедливо – классической интеллигенции или современной «элиты»? Можно сказать, что правы обе стороны – каждая для своего времени. Правда классической интеллигенции не может быть вечной, ибо эпоха исторического подъема масс когда-то (и скорее рано, чем поздно) заканчивается. Тому есть ряд причин. Острота классовых противоречий заставляет революционный авангард принимать меры, требующие большей подготовленности базы демократии, чем та, что имеется налицо. Не достает многих объективных и субъективных условий, чтобы эти политические шаги были адекватно восприняты революционной массой. Хотя народ в целом поддерживает, даже с энтузиазмом, эти решения авангарда, но в массовом исполнении они и принимают излишне радикальный характер – возникает феномен «левизны». И чем более неразвиты условия, тем больше левого «перехватывания».

Ширится противоречие между органичной народной самодеятельностью и целостностью, составляющей лучшее содержание этой эпохи, и «революционными абстракциями», число которых растет во всех сферах общественной жизни. На определенном этапе возникает необходимость применения насилия (не только убеждения) революционным авангардом в качестве орудия управления и утверждения новых общественных отношений. Но на этом пути уже неизбежно превращение демократического авангарда в традиционную управляющую и руководящую элиту. По М.А. Лифшицу, «чем меньше подготовки, чем больше разницы между

авангардом и массой, тем больше опасности просвещенного деспотизма, сворачивания революции на прогресс сверху. Тем больше орудие и аппарат приобретают самостоятельность»⁵. А дальше уже начинается история не классической интеллигенции, а «интеллигенции-элиты». Если определять дело просто, то интеллигенция становится сословием идеологов. Последние смотрят на общество с высоты высших принципов и так или иначе разделяют иллюзию своей независимости от борьбы интересов. Эту иллюзию и выражает идеология «бесконечного совершенствования».

УДК 159.923.2 – 057.875:2

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ПАРАМЕТРЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

И.А. Дорошин

Саратовский государственный университет,
кафедра религиоведения и философской антропологии
E-mail: ivansar@mail.ru

Человека нельзя понять, если не принимать во внимание наивысшие стремления. Но религиозность не существует в независимой форме, а предполагает этноконфессиональность. Конфессия может восприниматься как условие развития человека. Этнический конфликт может перейти во внутриличностный конфликт у учащегося. Главным условием диалога культур в образовательном процессе является адекватное восприятие собственной идентичности каждого субъекта этого общения, что невозможно вне патриотической установки.

Ключевые слова: идентичность, религиозность, этноконфессиональность, конфессия, этнический конфликт, патриотизм.

Formation of Personal Identity: Parameters of Religious Orientations

I.A. Doroshin

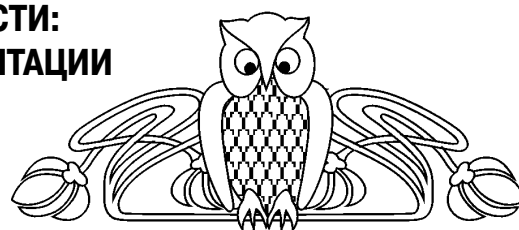
The person cannot be understood if to not consider the highest aspirations. But religiousness does not exist in the independent form, and assumes "alloy" of an ethnic accessory and religiousness. Confession – can be perceived as a condition of development of the person. The ethnic conflict can pass in the intrapersonal conflict at the pupil. The main condition of dialogue of cultures in educational process is the adequate perception of own identity of each subject of this dialogue that is impossible outside of patriotic installation.

Key words: identity, religiousness, «alloy» of an ethnic accessory and religiousness, confession, ethnic conflict, patriotic installation.

Реакции конкретного человека на события, равно как и характер ролей, которые приходится играть каждому из них, меняются в зависимости от требований и ограничений конкретной культуры. Некоторые события ожидаются в определенное время и переживаются большинством людей, принадлежащих к той или иной возрастной когорте. Кроме

Примечания

- ¹ Кагарлицкий Б.Ю. Готов сразиться с врагом, а начальства боюсь // Литературная газета. 2008. № 3/4. С. 4.
- ² Арсланов В.Г. Постмодернизм и русский «третий путь». М. 2007. С. 307–308.
- ³ Рашковский Е.Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX–XX века. М., 1990. С. 115.
- ⁴ Лифшиц М.А. Нравственное значение Октябрьской революции // Лифшиц М.А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 255.
- ⁵ Лифшиц М.А. Что такое классика? М., 2004. С. 55.

того, любая ценность имеет *религиозное измерение*, а мы живем в мире, где основные отношения и социальные роли получили вполне убедительную трактовку со стороны мировых конфессий.

Актуальность выбранной *темы* для исследователя заключается в том, что на данный момент в научной литературе напрямую не рассматривалась проблема идентификации и потребность в саморазвитии конфессионально ориентированных студентов; хотя конфессия задает колоссальные культурные различия, с которыми мы столкнулись в педагогической практике.

Человека нельзя понять, игнорируя *наивысшие стремления*. Самоактуализация, *поиски идентичности*, стремление к здоровью и другие способы выражения стремления «наверх», согласно А. Маслоу¹, надо принять как универсальную установку. Из характеристик, выведенных для самоактуализирующихся людей Маслоу, прекрасно видна их ориентированность на религиозное поведение: поиски реальности; принятие себя, природы и других; непосредственность и естественность; центрированность на проблемы, стоящие *выше* потребностей, которые считают *миссией жизни*; потребность в независимости и *уединении*, а следовательно и аскетичность; *независимость от* окружения и *даже культуры, сопротивление окультиванию*, свежесть восприятия; *мистические (вершинные)* переживания, разграничение целей и средств, глубокие отношения, определенность этики, но немногие из них *религиозны* в ортодоксальном смысле.

Изучая процесс самоактуализации, Маслоу пришел к выводу достаточно неожиданному. У большинства испытуемых были мистические или